

Е. В. Никольский

СВОЕОБРАЗИЕ КОМИЗМА В ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ ВС. С. СОЛОВЬЁВА

Рассмотрена специфика комизма в позднем творчестве Вс. С. Соловьёва (1843–1903). В раннем своем творчестве он раскрывал преимущественно драматические и трагические аспекты русской истории, а в 1890-е годы появились комические мотивы. С одной стороны, это было вызвано его стремлением рассмотреть в романе «Царское посольство» аспекты диалога культур, а с другой – сатирически изобразить в романе «Злые вихри» последователей спиритизма.

Ключевые слова: комическое, историческая проза, XVII столетие, диалог культур, Россия, Италия, социальная проза, критика спиритизма, имагология.

Вс. С. Соловьёв родился в Москве 1 января 1849 г. и был старшим ребенком в семье замечательного русского историка С. М. Соловьёва, чью многотомную «Историю России с древнейших времен», другие сочинения до сих пор с увлечением читают любители истории, внимательно изучают исследователи.

В 1876 г. в журнале «Нива», с которым судьба надолго связала писателя, появился его первый исторический роман «Княжна Острожская», принесший писателю громкий, неоспоримый всероссийский успех. А следом за этим романом на протяжении сравнительно короткого срока один за другим выходят его историко-художественные основные сочинения – роман «Юный император» (1877), повесть «Русские крестоносцы» (1877), романы «Капитан гренадерской роты» (1878), «Царь-девица» (1878), «Касимовская невеста» (1879).

Последние его историко-художественные произведения были написаны уже в начале 90-х годов: «Царское посольство» (1890) и «Жених царевны» (1891), в которых автор вновь обратился к своему любимому периоду русской истории – XVII в.

В 90-е годы Вс. Соловьёв написал два произведения на злобу дня: роман «Злые вихри» (1893) о пустоте идейных желаний тех, кто стремился к прогрессу революционным путем, и неоконченное произведение «Цветы бездны» (1895–1896) – о проникновении в Россию нищезанятия. В «Злых вихрях» автор обнажал лицемерие высшего света, где все творится «по шаблону». Это настоящий нравоописательный роман. Резкому обличению подвергались и фанатики толстовского учения – «обезьянство ничтожных, жалких людей, бегущих одинаково толпою за вещим пророком и за лжепророком, пустосвятом» [1, с. 57].

Другим аспектом сатиры позднего Соловьёва стали последователи спиритизма. В отроческие и юношеские годы Вс. Соловьёв был ревностным приверженцем традиционного для России православного вероучения. В молодости под влиянием некоторых негативных сторон церковной жизни писатель разочаровался в христианстве и его ду-

ховные взоры были обращены к нетрадиционным (и получившим, согласно разрозненным свидетельствам, широкое распространение в российском обществе XIX в.) формам духовной жизни (спиритизму, гностицизму, парапсихологии и т. д.). Увлечение романиста этим явлением было длительным. Позднее Вс. Соловьёв, обобщая свой опыт, писал: «...с медиумизмом я столкнулся в первые годы моей юности и с тех пор в продолжение многих лет наблюдал его сущность, следил за его развитием и распространением...» [2, с. 174].

Писатель оказался не только знаком с литературой о предмете, но и видел все явления, относящиеся к сфере медиумизма. Все типы деятелей, приверженцев и противников прошли пред ним: он наблюдал шарлатанов, сознательных и бессознательных обманщиков, слепых фанатиков, осторожных и неутомимых исследователей, воодушевленных самыми высокими стремлениями, упорных и упрямых скептиков, близоруких и легкомысленных отрицателей – «словом: честных и бесчестных, мудрых и глупых» [2, с. 172].

Различным аспектам этой темы писатель посвятил целый ряд публицистических статей и очерков в петербургских журналах. А в романе «Злые вихри» он показал, что спиритизм может быть просто смешным явлением. В одной из начальных глав он вывел в качестве эпизодического персонажа одного пожилого человека по фамилии Бундышев, убежденного и фанатичного спирита. По словам писателя, когда устраивают «сеансы, чаще всего у Гагарина, и зовут Бундышева... Забавно! Тушится все, свечи и лампы, делается ночь, стол поднимается, стучит, колокольчик звонит, а потом начинают Бундышева бить куда попало, щипать..., а на прошлой недели ему чуть ухо не открутили. Он крутит, визжит, молит, а на следующий день по всему Петербургу ездит и с восторгом рассказывает, как его духи избили, каких пощечин ему надавали. При дамах отвертывает рукава и показывает... Коко Гагарин не выдержал, признался ему: это я сам, говорит, вот этою рукою щепал Вас и тумак давал Вам в шею. Так ведь не верит ни за что в

мире: *jeune homme – говорит, on ne profane pas impunement les verities sacrees! Vous allez subir les confegunces de votre mensonge!*» Коко озлился: Так я Вас так изобью, что поневоле поверите!». Сегодня у княгини Червинской показывал... кругом хохот, а он в позу – целую лекцию о *perispit reincarnation* и уже не знаю, о чем еще» [3, с. 41].

Здесь смех и сатира выполняют функцию обличения того, с чем писатель не был согласен по религиозно-философским мотивам. А в другом произведении, на котором нам хотелось бы остановиться подробнее, роль смеха иная. В «Царском посольстве» Вс. Соловьёв сосредоточивает внимание на обрисовке взглядов и нравов кремлевской аристократии, бытовых сторон жизни русского общества XVII в.

В одном из писем Вс. Соловьёва его близкому другу А. А. Александрову, датированном 1893 г., содержится следующее упоминание о произведении. «По отзывам людей, это самый веселый и игривый, самый интересный из моих романов; сам я его люблю очень, и писал его *com amoge*... и вынашивал долго» [4]. В основе сюжета лежит подлинная история русской миссии в Венецию во второй половине XVII в. во главе с А. П. Чемодановым.

По словам историка А. Н. Сахарова, можно с полным основанием думать, что Вс. Соловьёв внимательно изучил материал посольства, история которого легла в основу сюжета очередного романа, ведь в архивах сохранился «наказ» Алексея Михайловича, «отчет... о путешествии и выполнении царского поручения, все сопутствующие документы» [5, с. 7]. Это нашло отражение в диалоге царя с послами: «Все сие обсудить надобно в приказе, там тебе, по нашим мыслям, подробный наказ напишут» [5, с. 23].

В романе повествуется о том, как в 1656 г. на Аппенинский полуостров морским путем (вокруг Скандинавии и берегов Западной Европы) на нанятых голландских судах русский государь направил своих дипломатов во главе с воеводой Алексеем Чемодановым и дьяком Иваном Постниковым. Главный герой, молодой боярин Александр Залесский, жизнь которого и история его любви описаны в первой части произведения, оказывается в центре напряженной международной интриги, завязанной узлами во дворцах Варшавы, Ливорно, Венеции, в хоробах московского посольского приказа. Действие второй его части произведения происходит в Италии, в Ливорно, во Флоренции и Венеции. «Автор хорошо знает жизнь позднесредневековых... городов, чувствуется, что он сам прошел той же дорогой, которой путешествовал его герой Чемоданов» [6, с. 3].

Романист весьма кратко описал международную обстановку того времени. Интерес Москвы к

Венецианской республике вызван сложным комплексом противоречий между итальянскими государствами и Турцией, Турцией и Россией, нестабильной обстановкой в Восточной Европе, бесконечными русско-польскими противоречиями. В произведении трижды и весьма кратко упоминается о задачах дипломатической миссии. Однако негосударственные проблемы московского правительства детально отражены в произведении, посвященном описанию бытовых сторон русской и европейской жизни в XVII в.

Вс. Соловьёв показал, как происходило знакомство русских людей с западным миром, как с помощью добродушного юмора и искреннейшей любознательности осуществлялся своеобразный «диалог культур» посредством путешествия, под которым мы вслед за Н. В. Черепановой понимаем «перемещение... в чужое культурное пространство с целью выхода за пределы наличного бытия для познания себя и мира повседневности Другого народа» [7, с. 65].

А каждый народ, как известно, имеет свои внешние и внутренние формы и нормы бытия, выработанные ходом развития культуры. Оттого смешным обычно представляется все то, что таким нормам не соответствует. Поэтому так часто курьезными становятся иностранцы. Чем резче их отличия от соотечественников, тем вероятнее возможность комизма. Как известно, смех вызывают несоответствия, вскрывает отклонения от нормы, которую человек инстинктивно определяет по отношению только к себе.

Соловьёвские москвиты были потрясены обликом западного мира. С большим юмором автор описывает переживания русских людей при виде заморских чудес, разного рода неловкости, в которых они оказывались по незнанию местных порядков: «Приноровиться к итальянскому обращению москвичам было трудно, почти даже совсем невозможно. ...Когда послы выезжали осматривать городские достопримечательности или вообще показывались на улицах, вокруг них собирались толпы народа, разглядывали их без всякой церемонии, нисколько не стесняясь, подсмеивались над ними» [5, с. 107]. Все в русских людях казалось итальянцам комичным. Говорили, что «москвиты живут очень грязно и спят где попало, обедают рыбой так, что все пропитаны рыбным запахом, упиваются водкой. Между тем, одежда на них всегда оказывается чистой и красивой, и пьяными их никто не видел» [5, с. 107].

Примечательны определения, которые дают русские дипломаты отдельным явлениям итальянской светской жизни: «шабаш» [5, с. 110], «позорище греховное» [5, с. 111], «нехристи, басурманы» [5, с. 111], «грех» [5, с. 126], «дьявольское наущение» [5, с. 126].

ние» [5, с. 126], «черные хари» [5, с. 152], «поганое место» [5, с. 160]. Своеобразны и характеристики, сделанные московскими дипломатами в отношении итальянских женщин: «голошей, голоруки», [5, с. 111], «бесстыжие озорницы» [5, с. 112], «срамницы» [5, с. 113], «пучеглазая дьяволица» [5, с. 113], «богомерзкие обезьяны» [5, с. 178]. В то же время героини (хотя и редко) положительно высказываются об итальянцах: «Знатно проживают... Добрый народ, вежливый, жаль вот, что немцы и басурманы!» [5, с. 124].

Однако не столько само посольство в этом произведении становится центром повествования (как бы ни были замечательны и забавны приключения послов), а описание быта последних лет допетровской, «дремотной» Руси. Старый мир представлен на примере двух враждующих боярских родов, двух соседей, Залесских и Чемодановых, своеобразных «монтеки» и «капулетти» с берегов Москвы-реки. Бояре Залесский и Чемоданов – типичные представители старой Московии, автор характеризует их как хороших семьянинов – домоостроевцев, истовых служителей своего монарха. С одной стороны, они неглупы, честны, простодушны. С другой – чванливые спесивые феодалы, жесткие и хитрые, когда затрагиваются коренные интересы их фамильной чести. И даже сам царь не в силах сбить с них спесь, на которой замешена их вражда, так мешающая исполнению обязанностей государственной важности. В доме того и другого одинаково скользят безропотные жены и послушные дети. Вот характеристика внутрисемейных отношений старших Залесских: «Изредка он, по обычаю и для порядка, приступал к супружескому учению, то есть давал волю рукам своим, ...она никогда не поднимала криков и воплей, ...нужно отдать справедливость Никите – он «учил» жену крайне редко, всего три-четыре раза в год, да и то под пьяную руку» [5, с. 14]. Интеллектуальный кругозор обоих семей крайне скуден; их образование ограничивалось умением читать и писать, изучением основных молитв и скудными сведениями из истории и географии. Например, в Венеции Чемоданов

в диалоге с Александром Залесским говорит: «О-о-о пера... не слыхал я что-то о таком звере» [5, с. 160].

В разговоре со Ртищевым старший Залесский заявляет: «...никаких тальянских стран я не знаю, что за такая птица – дук – не ведаю» [5, с. 78]. А вот реакция его супруги, узнавшей о том, что их сын направлен по воле монарха в далекую Италию: «Антонида Галактионовна... в голос вопила, окруженная перепуганными служанками. Она поняла, ...что Санюшку царь посылает к басурманам на погибель, ...что будут рвать нехристи на части и кидать его тело белое черному воронью» [5, с. 79]. Священник лубянской феодосеевской церкви, отец Савва, тупой фанатик и мракобес, пользовался у Залесских весьма большим авторитетом, несмотря на то, что распространял популярные у будущих староверов бредни и побасенки: «Придет поп Савва, скажет, что народился антихрист» [5, с. 34]. Или: «Неведомая странница рассказывает, что в городе Калуге летает змей огненный и что поповская корова отелилась теленком о трех головах, и теленок этот говорит человеческим языком» [5, с. 34], и боярыня всему верит.

Можно привести и иные фрагменты, отображающие менталитет эпохи. Однако уже приведенные цитаты показывают нам высокую степень писательского мастерства Всеволода Сергеевича Соловьёва, который в романе «Царское посольство», используя различные художественные средства, воссоздал не просто быт, нравы и менталитет предпетровской Руси, но показал, что петровские великие реформы были необходимы для дальнейшего существования России.

Если в своих ранних произведениях автор рассматривал преимущественно трагические и драматические аспекты как исторического, так и социального бытия, то здесь мы встречаемся с иным подходом к осмыслению былого и настоящего. А в романе «Злые вихри» комизм и нелепые положения обнажают нелепый стиль мышления отдельных представителей парарелигиозных течений. Таковы функции комического в позднем творчестве Вс. Соловьёва.

Список литературы

1. Быков П. В. Всеволод Сергеевич Соловьёв: Его жизнь и творчество (очерк) // Соловьёв Вс. С. Полн. Собр. соч. Пг., 1917. С. 3–70.
2. Север № 9. СПб., 1889. 245 с.
3. Соловьёв Вс. ПСС. Т. 3. Злые вихри. СПб., 1903. 380 с.
4. РГАЛИ. Ф. 2, оп. 1, ед. хр. 735., л. 3, об.
5. Соловьёв Вс. Царское посольство. М., 1994. 367 с.
6. Сахаров А. Н. Предисловие // Соловьёв Вс. Царское посольство. М., 1994. С. 3–10.
7. Черепанова Н. В. Путешествие как способ измерения культурного пространства // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2006. Вып. 7 (58). С. 65–70.

Никольский Е. В., кандидат филологических наук, доцент, докторант.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

Ул. Поварская, 25а, г. Москва, Россия, 121069.

E-mail: Eugenius-08@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 14.01.2011.

E. V. Nikol'skiy

PECULIARITY OF COMIC ISSUES IN THE VSEVOLOD SOLOVYOV'S LATE WORKS

The article considers the specificity of the comic issues in the late works by Vsevolod Solovyov (1843–1903). In early works he revealed his mostly dramatic and tragic aspects of Russian history, and in the 1890-s the writer turned to the comic theme. On the one hand, it was caused by his desire to consider the novel “The Tsar’s Embassy” aspects of the dialogue of cultures, on the other hand, satirically depicted followers of spiritualism in the novel “Wicked vortices”.

Key words: *comic, historical fiction, 19th century, the dialogue of cultures, Russia, Italy, social prose, criticism of spiritualism.*

Institute of World Literature (Russian Academy of Science).

Ul. Povarskaya, 25 a, Moscow, Russia, 121069.

E-mail: Eugenius-08@yandex.ru